This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

HDI
HL 1QSS P

HARVARD
LAW
LIBRARY

Digitized by Google

A7
Tagantsev, N.S.
Posliednee 25 lietie

Bd. April 1933

HARVARD LAW LIBRARY

Received NOV 30 1932

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

43 4-2.

ПОСЛѢДНЕЕ

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ

ВЪ ИСТОРІИ УГОЛОВНАГО ПРАВА

(1867 — 1892 г.).

3 р

Н. С. Таганцевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1892.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОСЛѢДНЕЕ

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ

ВЪ ИСТОРІИ УГОЛОВНАГО ПРАВА

(1867 — 1892 г.).

Н. С. Таганцевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1892.

Digitized by Google

(2033)

NOV 30 1932

Дозволено цензурою. Спб., 4 декабря 1892 г.

Digitized by Google

*) Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, юношею, я вступилъ на эту каѳедру. Много разъ мѣнялась съ тѣхъ поръ моя аудиторія. Далеко, по всей Руси разошлись мои слушатели, трудясь въ различныхъ сферахъ государственной и общественной дѣятельности; не прошли, конечно, безслѣдно и для меня эти годы: много упованій, надеждъ, унесъ опытъ жизни; отрезвляющая дѣйствительность понудила на многое измѣнить уголъ зрѣнія, измѣнить оцѣнку многихъ учрежденій, начàлъ. Измѣнялся преподаватель, — могло ли не измѣняться преподаваніе?

И вотъ теперь, призванный благосклоннымъ снисхожденіемъ совѣта къ продолженію преподавательской дѣятельности, начиная новое 25-ти-лѣтіе, я предположилъ сегодня, въ бесѣдѣ съ вами, оглянуться на прошлое, посмотрѣть,—измѣнился ли, и въ чемъ именно, матеріалъ, мною вамъ сообщаемый, и пріемы его обработки; измѣнились ли, за этотъ срокъ, требованія, предъявляемыя къ научному изложенію уголовнаго права? Я предположилъ свести, такъ сказать, на очную ставку мои курсы 1867-го и 1892-го годовъ.

Но пригодна ли, возможна ли даже такая тэма для лекціи? Можно ли найти сколько-нибудь существенныя перемѣны въ правѣ, законодательствѣ, въ наукѣ,—за такой, сравнительно, короткій промежутокъ времени? Двадцать-пять лѣтъ—это большая величина въ скоропреходящей жизни личности, этой однодневки мірозданія; но что такое подобный срокъ для вѣковыхъ институтовъ права, переживающихъ иногда не только поколѣнія, но и цѣлые народы; побѣдоносно передаваемыхъ, какъ наслѣдіе, отъ одной исторической эпохи жизни человѣчества—другой?..

Сознаюсь, такая попытка была бы, можетъ быть, безплодна, если бы вопросъ не относился къ уголовному праву,—тому праву, которое недавно почившій, великій мастеръ правовѣденія, Іерингъ, мѣтко характеризировалъ тѣмъ, что оно вмѣстѣ съ народомъ переживаетъ всѣ

*) Лекція, читанная 21 Сентября 1892г. въ аудиторіи Правовѣдѣнія.

Digitized by Google

фазисы его соціальнаго развитія; что, мягкое и гибкое, какъ воскъ, оно податливо воспринимаетъ всѣ впечатлѣнія окружающей жизни.

А минувшая четверть вѣка не бѣдна событіями, оставившими глубокія борозды въ исторіи народовъ и государствъ.

Стоитъ вспомнить—въ области политической—прусско-австрійскую, франко-прусскую и русско-турецкую войны, такъ измѣнившія политическую карту Европы; образованіе воинствующей германской имперіи; созданіе и ростъ республики во Франціи; воцарившуюся нынѣ въ международныхъ отношеніяхъ систему вооруженнаго мира и дружественной вражды. Въ области соціальной жизни — все сильнѣе и сильнѣе ростущее значеніе рабочаго вопроса, вопроса объ обезпеченіи труда, и—какъ внѣшнее проявленіе начинающагося измѣненія экономическаго строя — развитіе интернаціональныхъ союзовъ, поражающій ростъ соціалистической партіи, грозныя, кровавыя вспышки анархической дѣятельности. Наконецъ, въ области умственнаго труда—побѣдоносное шествіе опытнаго знанія, примѣненіе къ изученію психологіи личности, къ сферѣ общественныхъ и государственныхъ явленій—методовъ и пріемовъ изученія природы.

Если справедливъ отзывъ Іеринга, то могло ли остаться безъ измѣненій уголовное законодательство Европы?

Дѣйствительно, даже бѣглый обзоръ западно-европейскихъ законодательствъ вполнѣ подтвердитъ правильность высказанной Іерингомъ мысли.

Когда я началъ мои чтенія по уголовному праву, въ Германіи дѣйствующее законодательство составляло смѣсь самыхъ разнообразныхъ законоположеній. Въ четырехъ областяхъ: въ Мекленбургѣ, Лауенбургѣ, Шаумбургъ-Липпе и Бременѣ, сохраняло силу обще-германское право, т.-е. „Каролина“, нѣсколько поглаженная и приспособленная къ потребностямъ времени. Въ другихъ частяхъ Германіи дѣйствовали (послѣ 1867 г.) десять отдѣльныхъ кодексовъ, большинство которыхъ, какъ, напр., саксонскій, баденскій, виртембергскій, носили явные слѣды нѣмецкой доктрины начала нынѣшняго столѣтія; а два, наиболѣе вліятельныя уложенія, прусское 1851 г. и баварское 1861 г., пересадили въ Германію начала иноземнаго, французскаго права. Совершившееся объединеніе Германіи замѣнило все это разнообразіе единымъ уложеніемъ, сдѣлавшимся съ 1872 г. кодексомъ для всей германской имперіи. Но уже и этотъ, повидимому, столь юный кодексъ, подвергся существеннымъ измѣненіямъ въ 1876 г., былъ дополненъ цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ карательныхъ законовъ, а нынѣ слышатся весьма вѣскіе голоса, требующіе новаго коренного пересмотра кодекса 1872 г.

На сѣверѣ къ тому времени только что появились новые кодексы:

Digitized by Google

въ Даніи 1866 г., Швеціи 1865 г.; эти кодексы остаются дѣйствующими и понынѣ, но въ Швеціи и Норвегіи выработаны уже проекты новыхъ уложеній.

Въ Венгріи новый кодексъ былъ изданъ въ 1878 г. и вступилъ въ силу съ 1880 года. Австрія за этотъ періодъ представила рядъ проектовъ 1867, 1874, 1881 и 1889—1891, не получившихъ примѣненія, благодаря трудности подвести подъ одно германское законодательство разноплеменное населеніе имперіи.

Попытки объединенной Италіи создать общеитальянское уголовное уложеніе увѣнчались во многихъ отношеніяхъ заслуживающимъ вниманія кодексомъ 1890 г.

Въ Голландіи съ 1886 г. вступилъ въ силу новый превосходный кодексъ 1881 г.

Франція, правда, сохранила прежнее уголовное законодательство; но со времени республики послѣдовалъ цѣлый рядъ существенныхъ измѣненій по всѣмъ наиболѣе важнымъ отдѣламъ, а съ 1889 образована коммиссія для выработки новаго уложенія, представившая уже крайне интересный проектъ общей части.

Даже въ Англіи, въ 1878 и 1880 гг., были сдѣланы попытки кодификаціи, и въ парламентъ были вносимы проекты уголовнаго уложенія.

Еще интереснѣе было бы прослѣдить соотношеніе соціально-политическихъ измѣненій послѣдняго двадцатипятилѣтія съ отдѣльными уголовными узаконеніями; но ограниченное время не дозволяетъ мнѣ войти въ этотъ разборъ: я позволю себѣ только упомянуть о наиболѣе типичныхъ явленіяхъ съ этой точки зрѣнія,—какъ напр., объ узаконеніяхъ о шпіонствѣ въ мирное время; о законахъ о соціалистахъ; о постановленіяхъ относительно наказуемости взрывовъ, изготовленія и пользованія взрывчатыми веществами и т. д.

Итакъ, матеріалъ курса 1892 г., относящійся къ дѣйствующимъ иностраннымъ уголовнымъ законодательствамъ, совершенно преобразился сравнительно съ курсомъ 1867 г. Перейду къ главному матеріалу лекцій, къ русскому законодательству.

„Нѣтъ поры краше утренней зари“,—говоритъ народная пѣсня. Оттого такъ радостно вспоминать пору молодости, когда кровь ключомъ кипитъ, а „силушка по жилушкамъ переливается“. Но особенно красно вспоминается минувшая молодая пора нашему поколѣнію, такъ какъ она совпала съ эпохою обновленія Россіи, съ тою эпохою великихъ преобразованій, откуда, по выраженію моего покойнаго друга, профессора Градовскаго, „пошло все, чѣмъ красна наша жизнь“. Трудно всецѣло, пластически передать обаятельную силу того вре-

Digitized by Google

мени, юношески-возбужденное состояніе общественной жизни въ тѣ года, когда мнѣ пришлось выступить преподавателемъ. Я могу сравнить его развѣ съ подъемомъ жизни, испытаннымъ, вѣроятно, тѣми изъ васъ, которымъ посчастливилось переживать первыя проявленія нашей южной весны гдѣ-нибудь въ Ялтѣ или на побережьѣ Кавказа, когда жизнетворною силою проникнутъ каждый атомъ мірозданія, когда гулко и весело бьется пульсъ жизни во всей расцвѣтающей природѣ.

Державная воля Царя только-что разбила ледяную кору крѣпостничества, и подъ горячимъ солнцемъ свободы заискрились и засверкали омертвѣлыя дотолѣ волны народной жизни. Законъ 1-го января 1864 г. призвалъ къ работѣ мѣстныя силы, указавъ имъ путь совмѣстной дружной дѣятельности для улучшенія экономическаго положенія страны, потрясаемаго совершавшимся переворотомъ; на тѣхъ же началахъ подготовлялось преобразованіе городового управленія.

Наконецъ, незадолго до начала моихъ лекцій, въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ зазеленѣла сочная молодая листва, казалось, столь крѣпко взрощеннаго дуба судебной реформы.

14-го іюня 1866 г. было первое засѣданіе въ Петербургѣ вновь открытаго суда; въ іюлѣ состоялся первый разборъ дѣла съ присяжными, а 15-го августа 1866 происходило первое засѣданіе уголовнаго кассаціоннаго департамента. Все въ обществѣ было полно новымъ судомъ: о немъ, о затронутыхъ первыми засѣданіями юридическихъ вопросахъ трактовали въ спеціальныхъ журналахъ; имъ посвящали свои сочувственныя статьи только-что сбросившіе ярмо предварительной цензуры общіе журналы и газеты; они служили тэмою для болтовни въ гостиной. Всѣ вѣрили, восторгались, рисовали вновь возникшую дѣятельность судовъ въ особыхъ, розовыхъ перспективахъ; но особенно было дорого вѣское слово тѣхъ, кто пережилъ старый, безпросвѣтный, подъяческій порядокъ,—увы!—рисуемый нынѣ многими, его не испытавшими, какъ желанное и дорогое наслѣдіе предковъ!

Не могло остаться безотвѣтнымъ на всѣ эти видоизмѣненія жизни и уголовное законодательство.

Въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ 1861 г., когда съ церковнаго аналоя призывался русскій народъ „осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ“, призывая благословеніе Божіе на свой свободный трудъ,—появилась многоизвѣстная записка князя Орлова о несовмѣстимости тѣлесныхъ наказаній съ разумными условіями развитія государственной жизни,—записка, встрѣченная столь сочувственно большинствомъ представителей нашихъ правящихъ тогда сферъ и вызвавшая законъ 17-го апрѣля 1863 г., въ корень расшатавшій лѣстницу наказаній по уложенію 1845 г.

Digitized by Google

Затѣмъ, составители судебныхъ уставовъ предположили вслѣдъ за уставами приступить къ переработкѣ существующихъ уголовныхъ законовъ; но это ихъ предположеніе не осуществилось. Они удовлетворились лишь частичными поправками—составленіемъ устава о наказаніяхъ и послѣдовавшимъ, на основаніи закона 27-го декабря 1865 г., новымъ переизданіемъ уложенія о наказаніяхъ,—и это неисполненіе ихъ предположеній даетъ право, по моему мнѣнію, сдѣлать тяжкій упрекъ составителямъ уставовъ. Въ немъ, думается мнѣ, кроется одно изъ главныхъ основаній позднѣйшихъ нареканій на наше новое уголовное судопроизводство: нельзя было жизненепригодному, изсыхающему продукту канцеляризма щеголять въ платьѣ, скроенномъ на ростущій живой организмъ.

Съ изданіемъ устава о наказаніяхъ, впрочемъ, не кончились заботы нашихъ правительственныхъ сферъ о переработкѣ уголовныхъ законовъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи смѣнялись одна коммиссія за другою, стремившіяся къ сближенію съ жизнью нашихъ карательныхъ мѣръ, къ пересмотру нашей лѣстницы наказаній, и, наконецъ, было приступлено, къ составленію проекта новаго уложенія.

Въ мертвящій, кровавый день 1-го марта 1881 г., на бывшемъ въ университетѣ диспутѣ, за нѣсколько часовъ до мученической кончины Царя-Преобразователя, мнѣ было передано отъ министра юстиціи приглашеніе принять участіе въ работахъ по составленію новаго уголовнаго уложенія. Коммиссія оффиціально образовалась только въ апрѣлѣ, но предположеніе о ней было однимъ изъ послѣднихъ плановъ преобразованія жизни Россіи, получившихъ благословеніе покойнаго Государя.

Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, и вѣрится, что эта работа, оконченная нынѣ вчернѣ, на которую потрачено такъ много завѣтныхъ думъ,—не сгинетъ безслѣдно. Во всякомъ случаѣ, работы коммиссіи, ея объяснительныя записки, составляютъ опредѣленный вкладъ въ разработку русскаго уголовнаго права. Тѣ части труда коммиссіи, которыя были переведены на нѣмецкій языкъ, получили крайне лестную оцѣнку выдающихся представителей нѣмецкой доктрины. Въ новѣйшихъ учебникахъ уголовнаго права—Листа, Мейера—объяснительныя записки коммиссіи цитируются въ числѣ пособій; не могли, конечно, эти работы не отразиться и на лекціяхъ русскихъ криминалистовъ.

Не могли не отразиться еще и потому, что за послѣднее пятилѣтіе появился цѣлый рядъ законовъ, дополняющихъ уложеніе, основанныхъ на предположеніяхъ коммиссіи.

И въ этомъ отношеніи, очевидно, матеріалы моего курса 1867 г. существенно разнствуютъ отъ настоящаго.

Digitized by Google

Перехожу къ еще болѣе краткому обзору измѣненій въ научной обработкѣ матеріала.

Сто лѣтъ назадъ, наши предки были свидѣтелями грознаго явленія въ исторіи человѣчества. На западной окраинѣ Европы сгустились столѣтіями накоплявшіеся непорядки соціальной жизни; скопились горючіе, легко воспламеняющіеся матеріалы, образовавшіеся отъ отбросковъ и осадковъ гнета высшихъ сословій, отсутствія гарантій личныхъ правъ, обезпеченности личнаго труда, свободы обмѣна продуктовъ мысли и знанія. Произошло потрясающее изверженіе скорби человѣчества, предъ которымъ являются столь ничтожными всѣ исторически извѣстныя изверженія вулкановъ природы. Оно засыпало пепломъ, сожгло своею лавою, уничтожило, не только мѣстечки, города, но—принципы, учрежденія, вѣрованія, считавшіеся незыблемыми устоями общественной жизни; оно потрясло весь „старый порядокъ". Его громовые раскаты, его подземные удары разстроили или внесли смятеніе не только въ сопредѣльныя государства, но даже и въ далекія, чуждыя ему по всѣмъ видимостямъ страны.

Въ видѣ кучи хаотическихъ обломковъ оставила революція и систему дѣйствовавшихъ дотолѣ уголовныхъ постановленій. Устраненіе членовредительныхъ наказаній, квалифицированной смертной казни, пытокъ, системы формальныхъ доказательствъ и другихъ основъ инквизиціоннаго процесса—сводило, повидимому, къ нулю все существующее уголовное право.

Разбивая въ настоящемъ ненавистное прошлое, революція отрицательно отнеслась къ исторіи и ея завѣтамъ. Въ правѣ, какъ и повсюду, водворялся культъ богини разума, съ ея ослѣпляющимъ гармоніею сочетаній торсомъ, обнаженнымъ отъ условно классическихъ покрововъ.

И когда, затѣмъ, доктрина XIX вѣка стала разбираться въ уцѣлѣвшихъ обломкахъ стараго порядка, то она, въ свою очередь, отвернулась отъ этой минувшей судебно-законодательной практики, преслѣдуя другія, по ея мнѣнію, болѣе важныя цѣли.

Лейзеръ былъ послѣдній изъ наиболѣе крупныхъ криминалистовъ-теоретиковъ, писавшихъ для практики. Мѣсто комментаріевъ заняли учебники; уголовное право разработывалось внѣ условій мѣста и времени. Философія была объявлена не только источникомъ, но и главнымъ источникомъ дѣйствующаго права. Изъ добытой путемъ философическихъ пріемовъ идеи права выводилась идея преступленія и кары, какъ его послѣдствія, а изъ установленнаго понятія преступленія, путемъ дедукціи, устанавлялись не только признаки преступнаго дѣянія, но и опредѣленія родовъ и видовъ преступленій и мѣры налагаемыхъ за нихъ взысканій.

Digitized by Google

Наступила эпоха созданія всевозможныхъ системъ теорій наказуемости, эпоха горячей и ожесточенной борьбы между ними; юристы-практики принимали въ борьбѣ не менѣе живое участіе, стремясь провести въ жизнь принципы тѣхъ или другихъ абстрактно созданныхъ построеній.

Въ Германіи это направленіе доктрины было господствующимъ и въ 60-хъ годахъ.

Когда я въ 1863 году поѣхалъ въ Германію для продолженія научныхъ занятій подъ руководствомъ нѣмецкихъ ученыхъ,—распредѣленіе корифеевъ этого направленія представлялось въ такомъ видѣ. Въ Тюбингенѣ незадолго передъ тѣмъ скончался талантливѣйшій представитель абстрактнаго метода—Кестлинъ, и его мѣсто занялъ его ученикъ и другъ—Геслеръ; въ Берлинѣ увлекалъ стройностью и логичностью построеній молодой гегеліанецъ—Бернеръ, а рядомъ съ нимъ излагалъ въ томъ же направленіи основы уголовнаго права маститый представитель той же школы—Гефтеръ; въ Кенигсбергѣ читалъ уголовное право гегеліанецъ Абеггъ; въ Боннѣ былъ Гельшнеръ, въ Іенѣ—Марецоль, въ Лейпцигѣ—Вехтеръ.

Только въ жизнерадостномъ Гейдельбергѣ, гдѣ природа соперничаетъ въ красотѣ съ творчествомъ человѣка, привлекалъ массу слушателей глашатай иного направленія, маститый уже въ то время Миттермайеръ, пользовавшійся громадною извѣстностью за предѣлами Германіи, но едва признаваемый своими нѣмецкими коллегами.

По складу своего ума Миттермайеръ былъ всегда противникомъ науки для науки; онъ считалъ условіемъ всякаго юридическаго метода его примѣнимость къ жизни; у него нельзя встрѣтить ни одной работы чисто кабинетной, ни въ философской, ни въ исторической сферѣ права. Онъ не высказывалъ ни одного юридическаго положенія, не подкрѣпивъ его примѣрами изъ дѣйствительной жизни; даже той или другой научной теоріи отдавался онъ настолько, насколько она оправдывалась и была осуществима на практикѣ. Признавая право жизненнымъ явленіемъ, онъ требовалъ, чтобы и его высшія основныя начала были раскрываемы путемъ анализа жизненныхъ юридическихъ отношеній. Не отрицая значенія дедукціи при разработкѣ законовъ соціальныхъ явленій, онъ считалъ необходимымъ провѣрять дедуктивные выводы изъ установленныхъ уже принциповъ и началъ права — эмпирическими обобщеніями, добытыми изъ жизни путемъ наблюденій и опыта. Онъ не отрицалъ въ принципѣ значенія ни философіи, ни исторіи; напротивъ того, онъ отводилъ надлежащее мѣсто не только исторіи догмы, но и исторіи правовыхъ институтовъ, какъ необходимаго подспорья раскрытія законовъ общественной жизни. Онъ возставалъ только противъ исключительнаго

Digitized by Google

преобладанія философскаго элемента въ разработкѣ права, онъ возставалъ противъ исключительнаго примѣненія отвлеченнаго метода, забывавшаго, что право—не геометрическая формула, а жизненное явленіе, созидающееся и развивающееся не подъ вліяніемъ одного какого-либо принципа, а являющееся продуктомъ сложнаго механизма, взаимодѣйствія различныхъ силъ.

Миттермайеръ былъ центромъ этого направленія; его ученики уже выдвигались и въ другихъ университетахъ, какъ недавно умершій проф. Гольцендорфъ, бывшій тогда приватъ-доцентомъ въ Берлинѣ, проф. Вальбергъ—въ Вѣнѣ.

Семестръ, проведенный мною въ Гейдельбергѣ, въ уютной комнатѣ на Pleckgass'ѣ, съ неизмѣнно ласкающимъ видомъ на Schloss и Königstuhl, остался лучшимъ воспоминаніемъ моего заграничнаго студенчества. Подъ руководствомъ Миттермайера выбралъ я тэму для магистерской диссертаціи; ему я представилъ въ извлеченіи переводъ основныхъ положеній нашего проекта уголовнаго судопроизводства, вызвавшаго сочувственный его отзывъ, столь извѣстный нашимъ юристамъ; отъ него получилъ я и незабвенное для меня теплое напутствіе на дальнѣйшую педагогическую дѣятельность.

Въ Россіи въ ту эпоху шла, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, борьба тѣхъ же направленій.

Когда мнѣ пришлось слушать въ университетѣ курсъ уголовнаго права, въ основу изложенія былъ положенъ юнымъ еще тогда профессоромъ петербургскаго университета, В. Д. Спасовичемъ, курсъ гегеліанца Бернера, а въ 1863 г. талантливый нашъ криминалистъ, въ предисловіи къ своему учебнику, уже заявилъ: что ему „пришлось отказаться отъ всего абсолютнаго, отвергнуть всѣ отвлеченности и, ставъ на почвѣ реализма, цѣль и задачу науки поставить въ неуклонномъ наблюденіи живой дѣйствительности".

Его преемникъ по каѳедрѣ въ петербургскомъ университетѣ, А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ, въ 1859 г., въ рѣчи о правѣ наказанія, читанной имъ въ Ярославлѣ, являлся простымъ компиляторомъ трудовъ одного изъ самыхъ ярыхъ послѣдователей метафизическихъ построеній уголовныхъ институтовъ Геппа, а въ 1862 г. Чебышевъ-Дмитріевъ выступилъ съ своимъ талантливымъ трудомъ о преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, и въ этомъ историческомъ трудѣ съумѣлъ блистательно примѣнить жизненный пріемъ изслѣдованія юридическихъ явленій.

Для меня, предъ началомъ преподаванія, выборъ направленія былъ ясенъ: его подсказывала сама юридическая жизнь того времени, требовавшая неустанной разработки дѣйствительности. На-

Digitized by Google

сколько оказался я годенъ для осуществленія этихъ требованій, судить не мнѣ; но не могу не вспомнить, что наиболѣе отрадною наградою для меня въ этомъ отношеніи была оцѣнка моей докторской диссертаціи о преступленіяхъ противъ жизни, сдѣланная на моемъ диспутѣ моимъ учителемъ В. Д. Спасовичемъ, высказавшимъ, что эпиграфомъ моей работы можно было бы поставить: „изъ жизни для жизни".

Такова была постановка вопроса о методѣ разработки уголовнаго права, съ которою я приступалъ къ моимъ чтеніямъ въ 1867 году.

Тотъ жизненный матеріалъ, который мы наблюдали и изучали, на которомъ мы провѣряли пригодность законодательныхъ постановленій, было преступное дѣяніе,—то особое юридическое отношеніе, въ которое становилось лицо, посягнувшее на общественный порядокъ, къ этому порядку, къ государству; тѣ отношенія, которыя возникали затѣмъ между преступникомъ и властнымъ, карающимъ его органомъ правосудія.

Конечно, анализируя эти отношенія, мы не забывали, что всякое преступленіе есть выраженіе личности; что, карая, государство причиняетъ страданіе не абстракціи, а живому организму, человѣку; что безъ всесторонней оцѣнки преступника немыслима никакая разумная теорія наказуемости; но мы этимъ проявленіемъ преступной личности и ограничивали сферу нашихъ изслѣдованій.

Между тѣмъ уже давно въ литературѣ стали появляться попытки изученія преступленія и преступника не съ юридической, а, такъ сказать, съ соціальной точки зрѣнія. Въ трудахъ публицистовъ конца XVIII в. нерѣдко можно встрѣтить разсужденія о зависимости преступленій отъ этнографическихъ, и въ особенности культурныхъ условій общежитія; сопоставленіе преступленій съ общественными и экономическими неурядицами; соображенія объ особенностяхъ преступнаго населенія, о нравахъ и привычкахъ отдѣльныхъ классовъ преступниковъ; но всѣ эти разсужденія строились a priori, являлись большею частью общими мѣстами, непригодными для потребностей дѣйствительной жизни.

Только появленіе точныхъ статистическихъ данныхъ, въ особенности статистическихъ отчетовъ французскаго министерства юстиціи, поставило изученіе преступленія, какъ продукта общественной жизни, на болѣе твердую почву. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ появляются важнѣйшіе труды родоначальника моральной статистики бельгійскаго астронома Кетлé: въ 1836 г.—его изслѣдованіе о человѣкѣ и его способностяхъ, а въ 1848 г.—„Système sociale"; провозглашается знаменитый

Digitized by Google

афоризмъ Кетлé о томъ, что нѣтъ бюджета, который бы общество выполняло съ такою точностью, какъ бюджетъ, платимый преступленіями.

Но уголовная доктрина долго, даже до 60-хъ годовъ, относилась безучастно къ этимъ изслѣдованіямъ. Извѣстнѣйшій изъ нѣмецкихъ учебниковъ конца 50-хъ годовъ, учебникъ Бернера, только парою словъ обмолвился о моральной статистикѣ, упомянувъ о ней въ числѣ второстепенныхъ вспомогательныхъ наукъ для изученія уголовнаго права. Когда у насъ, въ 1866 г., одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ криминалистовъ, Н. Неклюдовъ, представилъ свое статистическое изслѣдованіе о соотношеніи возраста съ преступностью для пріобрѣтенія степени магистра уголовнаго права, то въ юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета возбудился даже вопросъ о самой пригодности такой тэмы для магистерскаго сочиненія по уголовному праву.

Но какъ измѣнилось значеніе такихъ изслѣдованій съ того времени! Сколько именъ, выдающихся между юристами, посвятили свои труды изученію законовъ, управляющихъ преступностью, какъ соціальнымъ явленіемъ. Рядомъ съ изслѣдованіями біологической стороны—вліянія пола, возраста, расы—появились работы о космическихъ условіяхъ преступности, о вліяніи временъ года, температуры, географическихъ условій; о соотношеніи преступленія съ цѣнами на хлѣбъ, съ колебаніями предложенія и спроса на рабочемъ рынкѣ, и т. д. Въ 1872 г. молодой доцентъ ярославскаго лицея, М. Духовской, въ своей вступительной лекціи по уголовному праву,—даже этою соціальною стороною изученія преступленія опредѣлялъ все содержаніе своихъ будущихъ лекцій.

Всѣми этими изслѣдованіями затрогивалась, однако, только одна сторона соціальнаго изученія преступленія, затрогивался вопросъ о соотношеніи объема условій и движенія преступности съ даннымъ состояніемъ общества и его культуры; но оставалась нетронутою другая сторона —вопросъ о той средѣ, которая поставляетъ требуемый общественною жизнью контингентъ преступниковъ и вноситъ ту роковую подать, отъ которой не свободно ни одно человѣческое общежитіе. Оставались неизслѣдованными тѣ условія и данныя человѣческаго организма, которыя дѣлали его пригоднымъ для культивированія—выражаясь языкомъ современной эпидеміологіи—бакциллы преступности.

Эту задачу взяла на себя антропологическая школа. Отдѣльныя изслѣдованія по анатоміи и физіологіи преступниковъ встрѣчались и ранѣе, но первымъ систематическимъ трудомъ, послужившимъ основнымъ базисомъ всего направленія, было сочиненіе врача Лом-

Digitized by Google

брозо—„L'Uomo delinquente", появившееся въ 1876 г. Къ Ломброзо примкнулъ рядъ болѣе или менѣе талантливыхъ послѣдователей—юристовъ, естествоиспытателей, врачей, всего болѣе въ Италіи, затѣмъ во Франціи, отчасти въ Германіи и у насъ въ Россіи. Насколько многоплодна дѣятельность этой школы, можно видѣть изъ того, что, по свидѣтельству Луккини, въ послѣднія шесть лѣтъ до 1892 г., въ одной Италіи появилось до трехсотъ сочиненій, вызванныхъ новымъ направленіемъ, его борьбою со старою, такъ называемою классическою школою.

Изучая анатомическое строеніе преступниковъ, въ особенности ихъ черепа́, ихъ физіологическія отправленія, отличительныя черты ихъ моральной и духовной жизни, ихъ привычки, нравы, жаргонъ, одежду, ихъ литературное творчество,—на основаніи этихъ изысканій новая школа пыталась обрисовать не только типъ преступнаго человѣка, прирожденнаго преступника, но и указать специфическіе признаки отдѣльныхъ видовыхъ типовъ — воровъ, убійцъ и даже политическихъ преступниковъ.

Новая школа пыталась также подыскать хотя и весьма разнообразныя объясненія существованія преступнаго типа въ современномъ обществѣ. Одни сопоставляли преступниковъ съ душевно-больными, видя въ нихъ особый типъ „преступника-помѣшаннаго"; другіе видѣли въ нихъ продуктъ „наслѣдственнаго вырожденія поколѣній", результатъ пьянства, разврата и сумасшествія ихъ родичей; третьи, наоборотъ, сближали ихъ съ нашими до-историческими предками, видя въ нихъ примѣръ физическаго и нравственнаго атавизма. Стоя на этой послѣдней точкѣ зрѣнія, одинъ изъ ярыхъ адептовъ школы, Альбрехтъ, на римскомъ антропологическомъ конгрессѣ высказалъ довольно смѣлую гипотезу, что собственно преступникъ и есть нормальный человѣкъ, котораго наказываютъ за то, что онъ не хочетъ сдѣлаться ненормальнымъ.

Нельзя не сказать, — въ значительной части выводы новой школы страдаютъ отсутствіемъ серьезности изслѣдованія, скороспѣлостью, преобладаніемъ фантазіи надъ дѣйствительностью. Объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ и расколъ, происшедшій въ самой школѣ и выразившійся на ея послѣднихъ конгрессахъ, изъ которыхъ на брюссельскій—Ломброзо и его ближайшіе друзья даже вовсе отказались явиться. Самая идея—сыскать естественно-историческій типъ прирожденнаго преступника, или построить такія обобщенія, какъ типъ убійцы, государственнаго преступника,—вызываютъ невольную улыбку. Даже болѣе прочно стоящія статистическія изслѣдованія соціологіи преступленій страдаютъ въ самомъ корнѣ, въ неопредѣлен-

Digitized by Google

ности и неудобосравнимости изучаемыхъ данныхъ. Но тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что это новое направленіе значительно повліяло на уголовное право, и не только теоретически, но и практически.

Я позволю себѣ бѣгло указать на измѣненіе постановки вопроса о вмѣняемости въ новѣйшей доктринѣ и на введеніе позитивнаго критерія вмѣняемости въ новомъ итальянскомъ уложеніи и въ нашемъ проектѣ,—на столь практически важную классификацію преступниковъ привычки и преступниковъ случайныхъ, отразившуюся на новыхъ законахъ: французскомъ 1885 г.—о рецидивистахъ, бельгійскомъ 1888 г. и французскомъ 1891 г. объ условныхъ приговорахъ и т. п.

Особенно важныя услуги уголовному праву можетъ оказать то болѣе трезвое направленіе новой школы, которое выдвинулось за послѣднее время во Франціи, съ Жоли и Тардомъ во главѣ, и попытки воспользоваться соціологическими и антропологическими работами въ области преступленій для построенія теоріи уголовнаго права, сохраняя, однако, за нимъ первенствующее значеніе юридической науки, — попытки, дѣлаемыя нынѣ школою Листа въ Германіи и Гарро́ во Франціи.

Итакъ, кипучая работа охватила въ послѣднее десятилѣтіе всю область уголовнаго права. Будущему и, можетъ быть, близкому будущему суждено разобраться въ этой массѣ новыхъ понятій, взглядовъ, наблюденій накопившагося опыта; сблизить, взаимно освѣтить и въ то же время размежевать понятія о преступленіи, какъ противосоціальномъ наказуемомъ дѣяніи, съ понятіемъ о преступленіи, какъ проявленіи общественной и личной преступности. Завидная участь будущихъ работниковъ!...

Обзоръ мой конченъ; думаю, что сдѣланное мною хотя и общее сопоставленіе курсовъ 1867 и 1892 гг., не было безполезно, и достаточно подтвердило правильность приведеннаго мною въ началѣ замѣчанія Іеринга о жизнеотзывчивости уголовнаго права.

Позвольте мнѣ окончить мою бесѣду пожеланіемъ, также почерпнутымъ изъ воспоминаній минувшаго, изъ воспоминаній о напутствіи, съ которымъ въ лѣтній семестръ 1864 г. обратился къ своей аудиторіи маститый Миттермайеръ, прощаясь съ нею.

Чредою пролетятъ года, неустанная коса смерти сброситъ насъ съ жизненной арены. Вы вступите въ дѣйствительную жизнь: помимо практики, непосредственнаго приложенія закона къ жизни, многіе изъ васъ будутъ призваны къ участію въ законодательныхъ работахъ, къ пересмотру того, что̀ создаемъ мы нынѣ, къ перестройкѣ

Digitized by Google

законодательства на основаніи новыхъ данныхъ, по новымъ началамъ; можетъ быть, сбудется и мое сердечное желаніе, и кто-нибудь изъ васъ займетъ эту каѳедру, посвятивъ себя культурѣ вѣчно юнаго древа познанія... Да не поростетъ у васъ быльемъ забвенія память о вашемъ учителѣ, и при всякомъ движеніи впередъ мысли и знанія, при всякой борьбѣ за развитіе человѣчности въ правѣ, за охрану правъ личности, за прогрессъ, — вспоминайте вашего стараго преподавателя,—и мое сочувствіе и благословеніе будетъ всегда съ вами!..

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

3/VII 901

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google